

2134 2 100
99

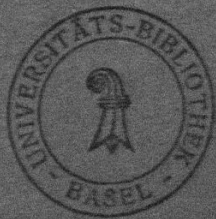
ВОПРОСЫ ЖИЗНИ

Bibliothek
Fritz Lie

1905

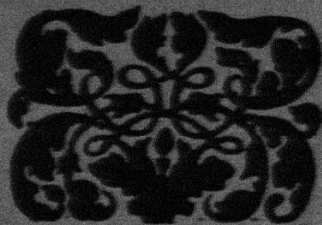
4/5

BIBLIOTHÈQUE DE RUSSE
PARIS
LAVROFF-COILL

Lief 7 132

АПРѢЛЬ

МАЙ

Религиозно-общественная хроника.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ И ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА *).

На одной изъ главныхъ площадей Кіева находится старинный Михайловскій монастырь. Его золотыя главы увѣнчиваются крестами, но надъ крестомъ главнаго купола высится еще золотой двуглавый орелъ. Двуглавый орелъ—и не *подъ* крестомъ, а *надъ* крестомъ—таковъ наввнокощунственный символъ, безхитростно выражающій дѣйствительное положеніе церкви въ Россіи, молчаливо повѣствующій о той трагедіи, которой является наша духовная исторія. И кто переступаетъ ограду съ этимъ символомъ, который выражаетъ въ качествѣ осуществившагося факта ничто иное, какъ то, что было предложено Христу въ пустынь вѣщимъ и злымъ духомъ, и было Имъ отвергнуто, какъ безбожіе („Господу Богу единому послужиши“), тотъ не знаетъ, къ кому онъ идетъ, въ чью область вступаетъ: Христа или же того, кто говорилъ съ Нимъ въ пустынь, чье царство здѣсь: божественной любви и свободы или земной деспотіи и самообожествленія? Извѣстно только одно, что нельзя одновременно служить двумъ господамъ, побѣждаетъ одинъ.

Символь этотъ въ переводѣ на юридическій и общепонятный языкъ имѣетъ вполне определенное значеніе: *государственная церковь*. Вдумайтесь въ это противорѣчивое и кощунственное словосочетаніе. Прежде всего, это значить, что есть государственная церковь и есть негосударственные, даже противогосударственные рели-

*) Считаю необходимымъ указать, что статья эта написана была до опубликованія указа 17-го апрѣля 1905 года. Нѣкоторые мѣста въ виду этого должны быть смягчены, но принципиальныхъ измѣненій дѣлать пока не приходится.

гіозные союзы, есть привилегированные и есть гонимые, на одни возлагаются желѣзныя оковы государственнаго покровительства, на другіе вѣнецъ гоненія и политическаго или религіознаго мученичества. Выходить, что предметъ вѣры или свободнаго и прежде всего безкорыстнаго убѣжденія становится источникомъ привилегій или поводомъ къ преслѣдованіямъ. Великое начало свободы личной религіозной совѣсти, признаніе религій дѣломъ не государственнымъ, а частнымъ, восторжествовало—и далеко еще не вполне только въ новое время. Итакъ, по отношенію къ другимъ, негосударственнымъ и непокровительствуемымъ церквамъ принципъ государственной церкви есть объявленіе войны, которая можетъ имѣть различныя, болѣе или менѣе суровыя, смотря по обстоятельствамъ, формы, но во всякомъ случаѣ войны. Государство кладетъ свой мечъ на одну изъ чашекъ вѣсовъ, на которыхъ совѣсть взвѣшиваетъ религіозную истину *).

Но если здѣсь война открытая, то по отношенію къ той церкви, которая имѣла счастье или несчастье сдѣлаться покровительствуемой, война скрытая, порабощеніе подъ видомъ покровительства, ассимилированіе и приспособленіе цѣлямъ совершенно чуждымъ.

За царства міра духъ предлагалъ Христу только—поклониться ему. И покровительствуемой церкви государство предлагаетъ только поклониться ему, утвердить государственный гербъ надъ крестомъ, надѣтъ государственный мундиръ (по извѣстному выраженію Соловьева) и признать религію дѣломъ казеннаго интереса **). Это зна-

*) Указъ 17 апрѣля 1905 года, конечно, вноситъ существенное улучшеніе въ положеніе религіи въ Россіи въ смыслъ приближенія къ началамъ вѣротерпимости, но тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ указать, что онъ еще не вводитъ полной религіозной свободы, ибо не распространяется на евреевъ, на открытыхъ атеистовъ (confessionslos) и, кромѣ того, не уничтожаетъ еще всѣхъ привилегій господствующей церкви, напр. исключительнаго права пропаганды и нѣкоторыхъ другихъ.

***) Какъ писалъ объ этомъ И. С. Аксаковъ: „въ Россіи несвободна только русская совѣсть. Оттого и коснѣетъ религіозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и мертвенность духа заступаетъ жизнь духа, и мечъ духовный—слово—ржавѣетъ, упраздненный мечомъ государственнымъ. и у ограды церковной стоятъ не грозные ангелы Божіи, охраняющіе ея входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, какъ орудія государственной власти,—эти стражи нашего русскаго душеспасенія, охранители догматовъ русской православной церкви,

читать души въ себѣ все, что не согласуется съ видами государства, благословлять его дѣйствія, хотя бы они были преступны, культъ государства ввести въ свой внутренній обиходъ, вести политическую пропаганду въ богослуженіи, изобрѣтать особые обряды освященія и обожествленія власти, однимъ словомъ, дѣлать все, что дѣлала у насъ до послѣдняго времени господствующая государственная церковь.

Такимъ образомъ, существованіе государственной церкви и изнутри и снаружи создаетъ гоненіе и порабощеніе и, конечно, гораздо выгоднѣй положеніе гонимыхъ церковныхъ союзовъ, которые мужають и крѣпнуть въ борьбѣ, нежели покровительствуемой церкви, неизбежно впадающей въ духовный параличъ и обреченной на общее недовѣріе и презрѣніе со стороны всѣхъ, въ комъ жива религіозная жизнь и кому претитъ полицейски охранительная роль, навязанная церкви *).

Такое положеніе вытекаетъ изъ самаго существа дѣла. Допустимо-ли съ христіанской точки зрѣнія принципиальное признаніе государственной церкви вообще, т. е. такого интимнаго союза между церковью и определенной формой государства? Даже шире: допустимъ-ли вообще такой интимный союзъ между церковью и го-

блустители и руководители русской совѣсти!..“ (Ив. С. Аксаковъ. Сочиненія, томъ IV, стр. 67) не тѣ же ли чувства и мысли выразилъ и нашъ великій поэтъ:

У подножія теперь креста честнаго,
 Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
 Мы зримъ—поставлено на мѣсто жень святыхъ
 Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
 Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
 Или распятіе—казенная поклажа,
 И вы боитесь воровъ или мышей?
 Иль мните важности придать царю царей?
 Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
 Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
 Христа, предавшаго послушно плоть свою
 Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?

*) Теперь, послѣ указа 17 апрѣля, положеніе православной церкви, оставшейся съ орломъ на крестѣ, но безъ казенной охраны, хотя и, по-прежнему, подъ казеннымъ надзоромъ, становится уже совсѣмъ страннымъ.

сударствомъ по самой природѣ ихъ, какъ та и другая опредѣляется по ихъ идеѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Государство, какъ бы оно ни было организовано, поконится, на господствѣ права; нормальное государство, государство *par excellence*, есть правовое государство. Право же, какъ бы мы его ни опредѣляли, необходимо включаетъ въ себя моментъ принужденія, организованной защиты, говоря по-просту, грозить своимъ нарушителямъ бронированнымъ или небронированнымъ кулакомъ, и не только грозить, но и бить имъ. Война, которая считается вообще какъ бы прекращеніемъ права, перерывомъ въ немъ, есть лишь оголеніе этой сущности права: сила права каждой изъ борющихся сторонъ откровенно опредѣляется здѣсь правомъ силы. Такимъ образомъ, всякое государство, государство вообще, есть организованное принужденіе, Левіафанъ, а война—бой Левіафановъ. Принципіальное отрицаніе государства,—идеаль анархизма—сводится именно къ отрицанію Левіафана, этого организованнаго принужденія, которымъ поддерживается и осуществляется право, къ стремленію замѣнить это послѣднее добровольнымъ соглашеніемъ, замѣнить право нравственностью. Вообще въ отношеніи права и нравственности существуетъ одновременно и взаимная близость и принципіальная противоположность. По своему содержанію нормы права могутъ не противорѣчить повелѣніямъ нравственности, нѣкоторые юристы даже опредѣляютъ право, какъ минимумъ нравственности, и прогрессъ права состоитъ, несомнѣнно, въ томъ, что оно все больше осуществляетъ въ себѣ велѣнія нравственности. Отношеніе между правомъ и нравственностью можетъ быть представлено графически въ видѣ двухъ эксцентрическихъ круговъ, имѣющихъ нѣкоторую общую площадь, постепенно увеличивающуюся. Въ идеаль вся площадь меньшаго круга (права) должна составить часть площади большаго круга. Но коренная противоположность между правомъ и нравственностью состоитъ въ ихъ отношеніи къ принужденію: нравственность знаетъ только одобреніе или осужденіе, право же основано на принужденіи. Здѣсь всевидищее око совѣсти, тамъ слѣпая Фемида, на всахъ взвѣшивающая поступки и вооруженная мечомъ. Нравственность имѣетъ дѣло съ личностью, какъ самоцѣлю, какъ абсолютной реальностью, право же преслѣдуетъ задачу обезпеченія нѣкоторыхъ среднихъ условій общежитія и на отдѣльную личность смотритъ какъ на средство, подчиненное этой цѣли, оно знаетъ не личность, а

общество, понимая его въ смыслѣ безличности. Если бы люди были болѣе добродѣтельны и менѣе эгоистичны, чѣмъ они суть, право стало бы ненужно, его существованіе вызывается роковымъ несовершенствомъ человѣка, это ограда противъ злыхъ и разрушительныхъ стихій въ человѣкѣ, безъ которой невозможно было бы и самое общество. Между тѣмъ, какъ нравственность, коренящаяся въ концѣ концовъ въ религіи, абсолютна и самоцѣнна, право есть лишь вполнѣ относительное средство, коррективъ къ человѣческому эгоизму, будочникъ, приставленный для порядка и благопристойности.

То, что сказано объ отношеніи права и нравственности, слѣдуетъ повторить и относительно христіанской церкви и государства.

Оставляя въ сторонѣ мистическую сторону жизни и значенія церкви и останавливаясь только на человѣческой и земной, мы можемъ разсматривать церковь какъ союзъ людей, объединенныхъ общей вѣрой, надеждой и любовью, т. е. союзъ чисто нравственный. Это если и царство, то „не отъ міра сего“, основанное не на правѣ, а на любви и нравственности. Члены церкви, опять-таки по идеѣ, не имѣютъ никакихъ правъ другъ на другѣ, а однѣ только обязанности, налагаемыя взаимной любовью. Церковь стремится вездѣ, гдѣ только можно и насколько можно, отношенія правовыя преобразовать въ отношенія нравственныя, добровольныя. Ея естественный идеаль, ея идея, состоитъ не въ томъ, чтобы слиться съ государствомъ, какъ-нибудь приспособить государственный механизмъ для своихъ цѣлей, но въ томъ, чтобы его въ себѣ растворить, упразднить, сдѣлать ненужнымъ. Церковный идеаль, который долженъ являться необходимой нормой для ея дѣятельности, сводится къ обращенію права, а слѣдовательно, и государства, это есть тоже идеаль анархическій, и въ этомъ пунктѣ Толстой совершенно правъ, утверждая, что христіанству свойственны идеалы именно анархизма, отрицанія принудительной, т. е. правовой или государственной организаціи. Да развѣ не анархически-коммунистическій бытъ описанъ въ „Дѣяніяхъ Апостоловъ“ и вообще развѣ не онъ характеризуетъ лучшіе времена христіанства, жизнь христіанскихъ общинъ въ первые вѣка?

Соединить церковь и государство воедино, сочетать власть и отрицаніе власти, самой идеи насильственнаго властвованія невозможно безъ очевиднаго и грубаго нарушенія нерушимыхъ логическихъ законовъ противорѣчія и исключеннаго третьяго. Вопросъ

этотъ разъ навсегда былъ иѣкогда разрѣшенъ въ пустынѣ, гдѣ предлагался, между прочимъ, не болѣе не менѣе, какъ союзъ церкви съ государствомъ, государственная церковь.

Поэтому существованія и существующія формы союза церкви съ государствомъ могутъ считаться лишь печальными историческими aberrациями, плодомъ неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ, историческими искушеніями. Во всякомъ случаѣ это путь Великаго Инквизитора. Съ указанной точки зрѣнія между папскими притязаніями на свѣтское владычество или папоцезаризмомъ и цезарепапизмомъ (византійской и нашей русской системой) въ сущности нѣтъ принципиальной разницы, ибо въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы надѣлать принудительной государственной властью клиръ, считающій себя представителями церкви, а во второмъ о томъ, чтобы государственную власть освятить и слить нераздѣльно съ мнимымъ представительствомъ церкви. Мы имѣемъ здѣсь теократизмъ, ищущій превратиться въ политическій деспотизмъ, и деспотизмъ, стремящійся облечься въ мантию теократизма, короче деспотическій теократизмъ и теократическій деспотизмъ. Практически между цезарепапизмомъ и папоцезаризмомъ есть большая разница, но въ идеяхъ своихъ они сходятся въ одной точкѣ: въ стремленіи къ достиженіи цѣлей церковныхъ средствами государственными и наоборотъ, т. е. въ сознательномъ сліяніи и отождествленіи средствъ и задачъ церкви и государства, соединеніи креста съ мечемъ, поцѣлуя съ нагайкой. Слава Богу, исторія навсегда разбила и уничтожила претензіи папоцезаризма и заставляетъ теперь католическій міръ, хотя противъ воли и суровыми испытаніями, признать всю ошибочность и суетность этихъ идеаловъ. Въ настоящее время постепенно рушится и послѣдняя твердыня цезарепапизма, завѣщаннаго намъ недоброй памяти Византійей. Подлиннымъ идеаломъ церкви можетъ явиться не теократическое государство, все равно въ видѣ ли цезарепапизма или же папоцезаризма, но *свободная*, т. е. не государственная теократія (впрочемъ едва ли даже правильно употреблять здѣсь слово *кратія*, примѣненное въ даномъ случаѣ Вл. Соловьевымъ, которому и принадлежитъ этотъ терминъ), теократическій анархизмъ. Освященіе Левіафана, признаніе мистической природы государственной власти вплоть до сліянія съ церковью есть величайшая историческая ложь и хула на Духа Святого, одна изъ историческихъ

узурпаций Левіафана. Церковь не может слиться ни съ какой формой государства, ибо не может слиться съ государством вообще.

Весьма интересно, что развиваемыя здѣсь идеи мы встрѣчаемъ ни у кого иного, какъ у Достоевскаго. Послѣдній страннымъ образомъ соединялъ въ себѣ сторонника славянофильскаго („Шиповскаго“) самодержавія, которое онъ почему-то считалъ способнымъ обезпечить народу свободу въ большей степени, нежели какая бы то ни было форма настоящаго парламентаризма, и отстаивалъ въ интересахъ свободолюбія. Но отстаивая это въ качествѣ непосредственной практической программы, въ идеалахъ своихъ Достоевскій является несомнѣнно сторонникомъ мистически-теократическаго христіанскаго анархизма. Въ замѣчательной главѣ „Братьевъ Карамазовыхъ“, озаглавленной „Буди, буди!“ гдѣ идетъ разговоръ о церковно-общественномъ судѣ, (по поводу статьи Ивана Карамазова по этому вопросу) собесѣдниками развиваются идеалы упраздненія государства и замѣны его свободнымъ церковнымъ союзомъ. Въ частности рѣчь идетъ объ упраздненіи уголовной репрессіи, этого самаго характернаго атрибута Левіафана, и замѣной ея чисто нравственнымъ воздѣйствіемъ церкви на своихъ членовъ, въ крайнемъ случаѣ, церковнымъ отлученіемъ. Насколько мнѣ извѣстно, эта сторона міровоззрѣнія Достоевскаго вообще мало обращала на себя вниманіе, такъ что большинство знаетъ въ немъ лишь политическаго консерватора, но совершенно не знаетъ анархиста. Но возвратимся къ нашей темѣ.

Сказаннымъ до сихъ поръ еще недостаточно выяснены отношенія между государствомъ и церковью. Представляется ли, съ точки зрѣнія послѣдней, Левіафанъ воплощеніемъ зла, враждебной стихіей, съ которой надо бороться какъ таковой, или же это есть стихія темная и слѣпая, но способная, до извѣстной степени, къ внутреннему просвѣтленію. Это тотъ же вопросъ, что и объ отношеніи права и нравственности: должна ли послѣдняя отрицать право и бороться съ нимъ, или же она его допускаетъ и, допуская, стремится на него воздѣйствовать и преобразовать? Правъ ли Толстой, который изъ своего христіанства дѣлаетъ антигосударственные выводы не только въ смыслѣ общаго анархическаго идеала, но непосредственно практическаго характера, приглашая къ немедленной борьбѣ съ государствомъ и правомъ, рекомендуя полный разрывъ съ государствомъ (экспериментъ котораго, кажется, попробовали произвести

духоборы въ Канадѣ) или же правы тѣ, которые, признавая этотъ идеаль, такого непосредственнаго практическаго вывода не дѣлають?

Несомнѣнно, что для христіанства уже невозможно то признаніе государства абсолютнѣе, высшей цѣнностью, богомъ, которое насквозь проникаетъ все античное міросозерцаніе. Еще менѣе для него допустимо отождествленіе церкви и государства въ системѣ ли цезарепаннизма или же палеоцезаризма. Левиафанъ долженъ для него оставаться только Левиафаномъ, низшей земной стихіей, не имѣющей въ себѣ ничего абсолютнаго и въ лучшемъ случаѣ являющейся низкимъ и грубымъ средствомъ для высшей цѣли. Но въ качествѣ земнаго и относительнаго средства, связаннаго съ данными эмпирическими условіями существованія человѣческаго рода, государство нельзя отрицать какъ наложенную на него жезгивую необходимость, какъ земледѣліе, промышленность, города и т. п. въ чемъ тоже имѣть ничего абсолютнаго. Человѣчество, какъ оно есть сейчасъ, не можетъ физически существовать безъ правовой организаціи, безъ государства; въ противномъ случаѣ ему грозитъ аварія, только не въ смыслѣ окончательнаго идеала человѣчества просвѣтленнаго, устроеннаго и собраннаго, организованнаго въ церковь, союзъ любви и свободы, но въ смыслѣ господства человѣка-звѣря, не высшихъ, а низшихъ сторонъ человѣческой природы. И на стражѣ звѣря въ человѣкѣ стоитъ звѣрь Левиафанъ, но только въ качествѣ сторожа. Этотъ сторожъ необходимъ, если только необходимо вообще историческое существованіе человѣчества (въ чемъ нельзя сомнѣваться), если ему нужно сказать еще не сказанное слово, раскрыть нераскрытую еще правду. Но если нельзя отрицать сторожа, то все же сторожъ пусть остается только сторожемъ, и никоимъ образомъ нельзя превращать его въ первосвященника и бога. Цѣнность заключается не въ немъ самомъ, а въ томъ, что онъ сторожитъ: и въ данномъ случаѣ суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы. Христіанство, будучи вѣсть для земнаго человѣчества, закваска, отъ которой должно выпечь все тѣсто, очевидно, не можетъ, не противорѣча себѣ, отрицать исторію, а слѣдовательно, и одно изъ основныхъ условій самой возможности этой исторіи, государство, другими словами, допуская его въ качествѣ средства для определенной цѣли, оно условно даетъ ему санкцію *).

*.) Только это значеніе — и не больше — имѣетъ выраженіе ап

Слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы съ христіанской точки зрѣнія слѣдовало индифферентно относиться къ дѣламъ этого государства, вообще къ политикѣ? Всего менѣе. Хотя государство и не высшая стихія, но тѣмъ не менѣе, пока мы остаемся рабами этой стихіи, живемъ въ ней, она есть часть насъ самихъ, наше естество, элементъ тѣла совокупнаго человечества, которое мы стремимся въ историческомъ развитіи преобразовать и просвѣтлять сообразно открытому намъ идеалу. Все мы члены государства, а слѣдовательно, и граждане, и свѣтскіе, и клирики, и министры, и схимники, мы просто не можемъ не быть гражданами, и, значить, можемъ быть только плохими или хорошими, постыдными или доблестными гражданами. Тѣ, которые считаютъ себя христіанами, должны стремиться осуществлять свое христіанство во всемъ, слѣдовательно, и въ политикѣ, должны стремиться быть христіанскими гражданами, проводить христіанскую политику. Что же это значить? Значить ли, что слѣдуетъ стремиться сдѣлать государство орудіемъ церковной организаціи или послѣдней слиться съ нимъ, сдѣлавшись его послушнымъ орудіемъ? Мы указывали уже, что все, что угодно, только не это. *Государство должно быть свѣтскимъ* въ такой же мѣрѣ, какъ любой экономическій союзъ, акціонерное общество, общество страхованія, ибо такова его природа, его стихія, ибо оно „отъ міра сего“ и уже потому самому является мірскимъ, ибо оно существуетъ для всехъ людей, всехъ вѣроисповѣданій, всехъ міровоззрѣній. Государство должно быть свѣтскимъ — это является аксіомой именно христіанской политики. Чаще всего этотъ принципъ, который обычно формулируется, какъ требованіе отдѣленія церкви отъ государства, выставлялся и выставляется врагами клерикализма, которые, къ сожалѣнію, плохо умѣютъ различать религію отъ клерикализма и, враждуя съ послѣднимъ, по недоразумѣнію иногда становятся врагами и первой. Въ виду этого часто думаютъ, что это требованіе, постепенно, но не уклонно осуществляющееся въ новой исторіи, является, по существу своему, безбожнымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно вполнѣ соответствуетъ требованіямъ христіанства и должно быть поддержано именно съ религіозной точки зрѣнія. Борьба съ цезарепапизмомъ и папцезаризмомъ, принципиально то-

Павла „нѣтъ власти не отъ Бога“ и под., которые извращались нашими церковниками въ пользу защиты существующаго строя.

жественныхъ въ своемъ грубомъ смѣшеніи областей Кесаря и Божьей, должна необходимо включаться въ христіанскую политику. Итакъ, чѣмъ же должна характеризоваться послѣдняя? Она можетъ выражаться только въ томъ, что граждане въ предѣлахъ государственныхъ задачъ, дѣйствуя чисто государственными, т. е. не религіозными средствами, должны стремиться воплощать идеаль христіанской любви и справедливости, т. е. свободы и равенства, и направлять дѣятельность государства къ такимъ цѣлямъ, которыя соотвѣтствуютъ духу христіанской любви. Левіафанъ, вооруженный правовымъ принужденіемъ, самъ по себѣ способенъ идти и вправо и влево, и впередъ и назадъ, примѣняя свое опасное оружіе въ пользу какъ добрыхъ, такъ и дурныхъ цѣлей; направлять его движеніе впередъ, въ направленіи общечеловѣческаго прогресса, и составляетъ общую задачу христіанской политики. Очевидно, что Левіафанъ ни въ какой изъ моментовъ своего историческаго существованія, ни въ какой стадіи своего развитія не можетъ явиться воплощеніемъ абсолютнаго совершенства и гармоніи, дальше котораго невозможенъ былъ бы дальнѣйшій прогрессъ (при такомъ состояніи самое существованіе Левіафана стало бы излишнимъ и должно было бы уступить мѣсто анархическому союзу), онъ всегда раздирается внутренней борьбой темной стихіи, влекущей его по пути Навуходоносора—къ самоожествленію, и свѣтлыхъ силъ, организующихъ и собирающихъ въ нею историческое человѣчество въ устроенное цѣлое. Но если вообще ни одна изъ стадій развитія Левіафана не можетъ считаться предѣльной и абсолютной, то тѣмъ болѣе противорѣчивымъ и даже кощунственнымъ является нарочитое санкціонированіе опредѣленной политической формы, которое мы имѣемъ въ цезаризмъ и папцезаризмъ, свѣтскомъ клерикализмъ и клерикальномъ государствѣ. Объявляя именно данную государственную организацію воплощеніемъ политической правды, а данную власть мистической, богопомазанной, т. е. абсолютной, недостойные представители церкви возводятъ земную и низменную стихію на степень начала религіознаго, абсолютнаго, между тѣмъ какъ съ религіозной точки зрѣнія богопомазанной, мистической власти вообще не можетъ быть, какъ не можетъ быть мистической формы производства, власть нерелигіозна по своей природѣ. Ни одно право не должно быть такъ свято охраняемо, какъ право критики существующихъ политическихъ (а равнымъ образомъ и экономическихъ) формъ, совершаемой во

ния прогресса, борьбы съ естественнымъ консерватизмомъ и косностью, который свойственъ Левіафану въ такой же степени, какъ стихійная жестокость. Поэтому христіанство не можетъ освятить въ качествѣ абсолютной ни одной государственной формы, и, если государство вообще въ качествѣ неизбежнаго условія теперешняго эмпирическаго существованія человѣчества допустимо имъ, и, такъ сказать, терпимо, то только въ состояніи постоянного развитія и прогресса и лишь при этомъ условіи. На основаніи сказаннаго можно по достоинству оцѣнить гнусные вымыслы вродѣ знаменитой троицы „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ Левіафану въ наиболѣе дикомъ и необузданномъ видѣ приписывается высшая религіозная санкція, прямо религіозная природа. Мерзкое, возмутительное кощунство!

Представляется существенно важнымъ ясно различать христіанскую политику отъ клерикализма. Различіе это очень велико и, къ сожалѣнію, недостаточно понимается, а отчасти и сознательно затемняется въ современномъ сознаніи. Въ сущности клерикализмъ въ точномъ смыслѣ этого слова и христіанская политика между собою совершенно чужды. Клерикализмъ или преслѣдуетъ интересы опредѣленнаго церковнаго сословія, клира, или же стремится къ клерикальному государству и государственной церкви: по своимъ задачамъ и интересамъ клерикализмъ исключителенъ, конфессіоналенъ, ортодоксаленъ, все человѣчество для него дѣлится на овецъ и козлищъ, эллиновъ и іудеевъ, варваровъ и скиѳовъ, однихъ онъ ненавидитъ и стремится къ насильственному ихъ порабощенію и всякимъ правоограниченіямъ, а другихъ онъ хочетъ вооружить всей силой Левіафана. Клерикальна была дѣятельность инквизиціи и преслѣдованія раскольниковъ и сектантовъ въ нашемъ отечествѣ, клерикальна вообще политика всякаго несвѣтскаго государства, устанавлиющаго господствующую церковь. Въ этой своей исключительности клерикализмъ представляетъ собой противоположный полюсъ христіанской политикѣ, которая прежде всего *универсальна*, не знаетъ ни эллина, ни іудея, ни варвара, ни скиѳа, а знаетъ только *человѣка*, имѣющаго абсолютное достоинство, носящаго образъ Божій, и всякаго человѣка она учитъ считать своимъ ближнимъ. Государственно-правовые идеалы христіанской политики, коренящіеся въ основномъ ученіи христіанства о бѣгосыновствѣ, о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ, оставаясь чисто свѣтскими, не конфессіональными, сводятся къ возможному воплощенію въ правѣ началъ свободы и равенства. Всякія кон-

фессіональныя привилегіи, въ родѣ тѣхъ, какія имѣеть господствующая церковь, или же права ограниченія, которыя тяготѣютъ опять таки надъ извѣстными конфессіональными и сословными группами (еврейскій вопросъ!), должны вызывать безусловное осужденіе именно христіанской политики. На этомъ основаніи христіанская политика неизбежно сталкивается враждебно съ политикой клерикализма. Можно сказать, что гораздо чаще христіанскому политику приходится идти съ атеистами, безсознательно отстаивающими подлинно христіанскія начала свободы и равенства, нежели съ клерикалами; отстаивающими свои привилегіи. Вѣдь не только почетнѣе, но и болѣе соотвѣтствуетъ истинному христіанству идти вмѣстѣ съ Вольтеромъ, а не съ иезуитами въ вопросахъ вѣротерпимости, съ Марксомъ и Лассалемъ, а не съ рябовыми клерикалами въ рабочемъ вопросѣ и т. д. Вообще группировка политическихъ партій для каждаго даннаго момента должна производиться не только по общему міровоззрѣнію, но и по ихъ практическимъ программамъ, ибо далеко не всегда между теоретическими послылками и практическими выводами существуетъ полное соотвѣтствіе. Лучшей примѣръ тому даетъ наша русская дѣятельность, гдѣ задача политическаго освобожденія, эта первая заповѣдь христіанской политики, въ настоящее время въ Россіи ставится и разрѣшается въ подавляющемъ большинствѣ позитивистами (разныхъ отбѣнковъ), между тѣмъ какъ нѣкоторые представители христіанскаго духовенства оказываются пропагандистами черной сотни. Съ кѣмъ же изъ нихъ нужно идти, кто изъ нихъ являются болѣе христіанами, по крайней мѣрѣ, въ политикѣ? Неужели шакалы „Московскихъ Вѣдомостей“ и ихъ отродье, неустанно изрыгающее хулу на Духа Святаго?!

Мы разъяснили выше, что, съ христіанской точки зрѣнія, государство должно оставаться свѣтскимъ, и государственная, первенствующая или господствующая церковь должна быть упразднена. Иначе сказать это значитъ: *слѣдуетъ стремиться къ отдѣленію церкви отъ государства*. Юридически это означаетъ превращеніе церковнаго союза въ частный союзъ или свободную ассоціацію, за которой государство признаетъ извѣстные права юридического лица, права имущественныя, свободнаго отправленія культа и другія, на внутреннюю жизнь которой оно не посягаетъ. Вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства рѣшительно поставленъ въ настоящее время во Франціи и, хотя поставленъ врагами клерика-

лизма, но не слѣдуетъ смѣшивать интересы клерикализма съ интересами религіи: то, что враждебно клерикализму, нерѣдко бываетъ благопріятно для религіи и наоборотъ. Жаль только, что французская республика при этомъ вступила на путь нарушенія правъ чело-вѣка и гражданина и въ отношеніи къ клерикаламъ позорить себя полицейскими средствами, не достойными свободной и республиканской страны *).

Вопросъ объ юридическихъ отношеніяхъ между церковнымъ союзомъ и государствомъ есть вопросъ очень сложный и тонкій, включающій въ себя много частныхъ вопросовъ. Практически въ отвлеченной формѣ онъ даже не можетъ быть поставленъ. Отношеніе между церковными союзами и государствомъ, во всякомъ случаѣ, не представляетъ изъ себя системы устойчиваго равновѣсія. Можно формулировать только общія правовыя условія, которыя допускаютъ разрѣшеніе этого вопроса. Церковь или религіозный союзъ, оставляя въ сторонѣ особенную его природу и цѣли, есть, съ юридической стороны, союзъ, нуждающійся для своего существованія въ общемъ правѣ союзовъ, т. е. свободѣ собраній, слова, печати, съѣздовъ, соборовъ и т. д. Другими словами, это предполагаетъ общегражданскія и общеполитическія права, права чело-вѣка и гражданина, и лишь однимъ изъ частныхъ осуществленій этихъ правъ и является жизнь церковная. Итакъ, во-первыхъ аксіома: *свободная церковь только въ свободномъ государствѣ*, не можетъ быть церковнаго освобожденія внѣ общеполитическаго.

*) Удивительно, что въ нашихъ переловыхъ газетахъ и журналахъ поддерживается въ общемъ тонъ неизмѣннаго сочувствія къ теперешней антиклерикальной политикѣ Франціи. Въ насильственныхъ мѣрахъ этихъ не видятъ признанія собственнаго правственнаго безсилія, и примѣненія тѣхъ же отвратительныхъ мѣръ, которыя такъ терзаютъ насъ и такъ ненавистны намъ на родной почвѣ. Какъ будто полицейскія мѣры слаще отъ того, что они идутъ отъ республиканскаго правительства.

Недавно газеты перепечатали отвѣтъ Жореса на обвиненія его въ... папизмѣ. Знаменитый политическій дѣятель писалъ въ немъ: „мы хотимъ дать странѣ истинно либеральный законъ, а не якобинскій. Пусть тѣ, которые стремятся къ инквизиціи наизнанку, воткнутъ ограничительныя мѣры; мы, любящія истинную свободу, издадимъ законъ, защищать который намъ никогда не будетъ стыдно.“

Понятно, почему у насъ до сихъ поръ несвободна церковь, почему для религіозныхъ союзовъ у насъ до сихъ поръ существовало только два положенія: позоръ покровительства или гнетъ преслѣдованія, съ одной стороны превращеніе церкви въ атрибутъ государственности, и, въ конечномъ счетѣ, въ полицейское средство борьбы съ обществомъ, а съ другой признаніе диссидентства политическимъ преступленіемъ. Конечно, теперь положеніе вещей послѣ указа отъ 17 апрѣля нѣсколько измѣнилось въ направленіи, благоприятномъ для вѣротерпимости. Но мы должны сказать откровенно, что мы не вѣримъ въ совмѣстимость началъ этого указа со всѣмъ нашимъ строемъ, которому онъ такъ противорѣчитъ. Здѣсь возможно только одно изъ двухъ: или произойдетъ коренное измѣненіе всего строя,—и неизбежнымъ и само собою разумѣющимся послѣдствіемъ этой ломки, въ числѣ другихъ личныхъ правъ, явится и свобода совѣсти, или же начала указа будутъ какими-нибудь „временными правилами“ и министерскими циркулярами искажены до неузнаваемости. Не разъ мы уже бывали свидѣтелями подобныхъ примѣровъ полного безсилія бюрократическаго режима провести въ жизнь какую-нибудь дѣйствительно либеральную мѣру: въ концѣ концовъ возвращались къ старому и торжествовали новыя „временныя правила“. Закрывать глаза на эту окончательную импотенцію бюрократическаго строя осуществлять въ полной мѣрѣ хотя бы религіозную вѣротерпимость было бы преступнымъ легкомысліемъ, замазывать же все несоотвѣтствіе, даже прямо противорѣчіе началъ искренне и широко проведенной вѣротерпимости съ общими нашимъ режимомъ было бы просто недобросовѣстно. Одно изъ двухъ: или указъ 17 апрѣля есть лишь *первый шагъ* въ ряду коренныхъ реформъ, которыя только и могутъ укрѣпить его начала, или же онъ, въ лучшемъ случаѣ, будетъ отнесенъ исторіей къ числу несовершенныхъ благихъ порывовъ. Нечего и настаивать на томъ, какъ мало значить, въ виду указанныхъ условій церковнаго управленія: синодъ или патріархатъ; не все ли это равно, если государственный прессъ давить такъ сильно, что размалываетъ въ порошокъ всякій живой организмъ. Будетъ ли оберъ-прокуроръ назначенъ изъ монаховъ или изъ свѣтскихъ, безразлично, разъ общія условія остаются безъ перемѣны *).

*) Извѣстный канонистъ проф. Павловъ, котораго нельзя вообще заподозрить въ чрезмѣрномъ вольномысліи, совершенно рѣшительно заявляетъ въ своемъ „Курсѣ церковнаго права“ (посмертное изда-

Итакъ, освобожденіе церкви въ Россіи можетъ совершиться только чрезъ посредство общаго русскаго освобожденія, какъ одно изъ его послѣдствій, конецъ бюрократическаго строя положить начало и русской реформаціи (насколько она зависить отъ внѣшняго положенія церкви и отношенія ея къ государству), все равно - хотять или не хотять ея сами представители церкви. Коренная перемѣна основныхъ началъ нашего государственнаго права необходимо приведетъ и къ коренному измѣненію положенія государственной церкви. Это такъ очевидно, что доказывать это нѣтъ никакой нужды.

Черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ или черезъ нѣскольکو лѣтъ, рано или поздно, но Россія будетъ свободна, осуществится и вѣротерпимость, и отдѣленіе церкви отъ государства, отъ вѣкового гнета будетъ освобождена и господствующая церковь, но какъ и кѣмъ? До сихъ поръ сознательная борьба за освобожденіе велась и ведется почти исключительно людьми, религіи чуждыми, при пассивномъ бездѣйствіи или активномъ противодѣйствіи официальныхъ представителей церкви. Такъ это было, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени *). Очевидна вся противоестественность такого положенія вещей.

ніе, стр. 513) „ясно съ перваго взгляда, что существующія у насъ отношенія государства къ церкви, и наоборотъ, основаны на коренныхъ началахъ нашего государственнаго права и не могутъ подвергнуться существеннымъ перемѣнамъ безъ такихъ же перемѣнъ во всемъ государственномъ организмѣ“.

Проф. Н. Θ. Каптеревъ въ статьѣ „Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси“ показываетъ съ полной убѣдительностью, что „церковная власть и въ патріаршій періодъ древней Руси находилась въ такой же зависимости и подчиненіи свѣтской власти, въ какой она находилась и въ послѣдующій синодальный періодъ съ уничтоженіемъ патріаршества и съ учрежденіемъ св. синода никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи не произошло: взаимныя отношенія между свѣтской и духовной властью остались тѣ же, какія были и ранѣе. Послушнымъ орудіемъ въ рукахъ свѣтской власти (sic!) духовная власть была съ того самаго времени, когда на Москвѣ выросла и вполнѣ окрѣпла власть сначала великаго князя а потомъ царя московскаго“ („Богословскій Вѣстникъ“, апрѣль, стр. 667—8).

*) Вл. Соловьевъ писалъ въ своей знаменитой книгѣ „La Russie et l'Église universelle“. Paris. 1889, стр. 67—9. слѣдующее: „Самаринъ писалъ Аксакову: „въ одинъ прекрасный день объявятъ у насъ непогрѣшимость... иначе говоря, оберъ-прокурора св. синода... Найдется ли тогда у насъ хотя одинъ архіерей, одинъ монахъ, одинъ

Богатия церковно политическія поученія дасть эпопея съ церковнымъ соборомъ, въ которой живо отразилась вся ненормальность, вся порабощенность церкви государству при системѣ цезаропапизма. Группа столичныхъ священниковъ впервые выступила открыто (конечно, если не считать настоящихъ мучениковъ или даже великомучениковъ цезаропапизма, грехъ священника Цвѣткова, томимаго въ Суздальской тюрьмѣ, или многочисленныхъ представителей русскаго раскола) въ защиту свободы церкви — честь и слава имъ за этотъ подвигъ! Въ едержанной запискѣ, въ которой остается, конечно, еще слишкомъ много недоговореннаго, съ достаточной во всякомъ случаѣ определенностью выраженъ протестъ противъ цезаропапизма *). „Только церковь, свободная въ невѣданіи полноты своего самосознанія, во внутреннемъ стрѣв своемъ, въ служеніи словъ своего, въ управленіи всѣхъ дѣлъ своихъ и всего ей вѣреннаго, только свободно самоуправляющаяся церковь можетъ поддерживать въ совокупности чадъ своихъ ясную, сыновне чистую вѣру въ себя и вполне обладать необходимыми для осуществленія ея высокаго божественнаго призванія

священникъ, который станетъ протестовать противъ этого? Я сомнѣваюсь. Если будетъ протестъ, то со стороны свѣтскихъ лицъ отъ меня да Ив. С. Аксакова, если мы тогда будемъ живы. Что касается нашего несчастнаго духовенства, которое вы считаете болѣе несчастнымъ, чѣмъ виноватымъ (и вы, быть можетъ, правы) оно будетъ безмолвствовать“. Я не знаю пророчества, которое исполнилось бы съ большей полнотой, нежели это Провозглашеніе цезаропапистскаго абсолютизма въ Россіи, глубокое молчаніе и полное подчиненіе духовенства, наконецъ, отдѣльный протестъ со стороны свѣтскаго лица (которымъ быть самъ В. С. Соловьевъ), все это произошло такъ, какъ предсказывалъ Самаринъ. Въ 1885 году въ официальномъ документѣ, исходящемъ отъ русскаго правительства (Правила госуд. экзаменовъ на юрид. фак.) было объявлено, что восточная церковь отказалась отъ своей власти и передала ее въ руки царя. Единственный протестъ въ *Руси* не былъ ни поддержанъ, ни опровергнутъ со стороны представителей власти и своей изолированностью подчеркнулъ несчастное положеніе религіи въ Россіи. Впрочемъ, цезаропапистскій манифестъ петербургскихъ бюрократовъ былъ лишь формальнымъ констатированіемъ совершившагося факта“.

*) О необходимости перемѣвъ въ русскомъ церковномъ управленіи. Мнѣніе группы столичныхъ священниковъ. С.-Петербургъ. 1905.

голосомъ, отъ котораго горѣли бы сердца человѣческія. Въ этой свободѣ церковь можетъ только пребывать, сохраняться, но жить, вліять, дѣйствовать такъ, какъ свойственно ей по ея природѣ, она не можетъ...“ А что голосъ церкви, признаваемой „первенствующей и господствующей“, не имѣетъ соответствующаго этому достоинству авторитета независимости и весьма часто представляется не только для чужихъ, но и для присныхъ несвободнымъ отъ стороннихъ вліяній и соображеній, — казалось бы, не слѣдуетъ и доказывать въ виду, наир., основной статьи государственнаго законодательства, по которой: „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, ею учрежденнаго“ (Св. Зак., т. I, ч. 1, гл. VII, ст. 43). Персть вложенъ въ рану, указано самое больное мѣсто—бюрократизація церкви со стороны свѣтскаго абсолютизма, и указано совершенно вѣрно, — кто можетъ, кто посмѣетъ отрицать правду этихъ словъ!

Представители петербургскаго духовенства справедливо считаютъ первымъ шагомъ къ возрожденію церкви возстановленіе свободной общинной ея организаціи съ выборнымъ духовенствомъ и радикальное уничтоженіе теперешняго церковнаго бюрократизма, въ качествѣ же средства для этого указываютъ помѣстный соборъ русской церкви, состоящій какъ изъ представителей чернаго и бѣлаго духовенства, а также и мірянъ. Группа выкинула, такимъ образомъ, знамя церковной реформы, призывъ къ церковному обновленію раздался на всю Россію, вызывая горячія сочувствія однихъ, подозрительное безпокойство въ другихъ и холодное любопытство въ третьихъ. Однако записка петербургскаго духовенства содержитъ въ себѣ только одну декларацию, но не включаетъ никакой практической программы для ея осуществленія, оставляя совершенно открытымъ вопросъ о возможности, о конкретныхъ условіяхъ и, наконецъ, о желательномъ времени созыва собора.

Въ этомъ отношеніи оставалась полная невыясненность, но скоро недоговоренное петербургскимъ духовенствомъ за него договорила исторія.

Параллельно съ запиской петербургскаго духовенства въ точности неизвѣстно откуда изъ вѣдръ канцелярій вынырнулъ по виду наипомпнающій, но въ дѣйствительности ничего общаго съ идеями записки не имѣющій проектъ „чернаго собора“ или созыва епископовъ для выбора патріарха, съ правомъ доклада при дворѣ, дру-

гими словами, церковная реформа сводилась здѣсь къ замѣнѣ оберъ-прокурорскаго мундира архіерейской рясой и присвоенія патріарху... права доклада. Ничего другого въ этомъ проектѣ не было. Онъ осуществляетъ идею помѣстнаго собора, выраженную петербургскимъ духовенствомъ, въ такой же степени, какой бы требованіе созыва свободно избранныхъ представителей народа осуществилъ съѣздъ губернаторовъ и генераль-губернаторовъ, съѣзжавшихся для выбора изъ своей среды министра-президента или министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, взамѣнъ идеи свободного церковнаго собора немедленно пущена была въ ходъ бюрократическая поддѣлка. Не трудно предвидѣть, что могъ бы натворить этотъ импровизированный лжесоборъ. „Посланіе святѣйшаго синода“ по поводу 9 января еще непинная вещь по сравненію съ тѣмъ, что могли бы въ такомъ собраніи провести Антоній Волинскій, Гермогенъ Саратовскій, Никонъ Московскій, Ириней Орловскій и подобные стяжавшіе себѣ печальную извѣстность своей реакціонной агитаціей архіерей. Клерикальная бюрократія, прикрывшись еще авторитетомъ соборности, еще разъ узурпировала бы голосъ церкви (говорить отъ имени котораго она, конечно, не имѣетъ никакого, ни нравственнаго, ни каноническаго права, какъ и синодъ), и еще разъ предала бы кесарю Божіе и выступила бы противъ народа и народнаго освобожденія вмѣстѣ съ палачами и врагами этого народа.

Однако статья 43 основныхъ законовъ, о которой такъ своевременно вспомнили представители петербургскаго духовенства, остается еще въ силѣ. Немного опустившіяся было возжи скоро были одернуты, основной государственный законъ о томъ, кто является полномочнымъ главой русской церкви, ея „виѣшнимъ епископомъ“ (какъ любилъ себя именовать еще Константинъ Великій) былъ примѣненъ на практикѣ, и въ результатѣ получился великолѣпный урокъ русскаго государственнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно основнымъ государственнымъ законамъ Россійской Имперіи, и церковнаго права.

Соборъ былъ недозволенъ, но было бы, пожалуй, еще неизмѣримо хуже, если бы онъ былъ дозволенъ. Такія вещи, какъ церковныя реформы не дѣлаются „съ дозволенія начальства“; нельзя, собираясь въ далекое плаваніе, оставаться привязаннымъ къ берегу на канатахъ. Самая постановка вопроса о соборѣ уже указывала на мертворожденность этого замысла. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, дозволеніе начальства—не только на церковный соборъ, но даже и на теат-

ральное представлѣніе—дается лишь на опредѣленныхъ условіяхъ и въ опредѣленныхъ рамкахъ. Получить дозволеніе начальства можно только при условіи благонамѣренности, предварительномъ обязательствѣ касаться одного и не касаться другого, одобрять одно и поносить другое. Дозволило бы начальство, еслибы соборъ занялся напр. пересмотромъ дѣла священника Гапона и совершилъ бы его совершенно въ иномъ духѣ и съ иной точки зрѣнія, нежели петербургская консисторія, представилъ его въ совершенно другомъ освещеніи относительно дѣйствій свѣтской власти, нежели синодъ въ своемъ посланіи? Или еслибы, занявшись вопросомъ объ отношеніи между церковью и современнымъ бюрократическимъ государствомъ, принялся бы, между прочимъ, за давно уже настоятельно необходимую чистку богослуженія отъ тѣхъ, какъ выражался Ю. Самаринъ, „комплиментовъ, произносимыхъ съ амвона или на церковной паперти съ крестомъ въ рукѣ и полномъ облаченіи“ *) и вообще элементовъ политической пропаганды, столь изобильно внесенныхъ въ церковныя службы? Или еслибы соборъ высказалъ твердую рѣшимость устранить государственный орелъ надъ крестомъ, и не только символически, но и реально? Въ Византіи, которая является злымъ гениемъ въ нашей исторіи, бывали примѣры примѣненія въ такихъ случаяхъ, когда соборъ начиналъ говорить неугодное свѣтской власти, испытаннаго средства—казаковъ и полицейскихъ того времени, которые живо расправлялись съ народнымъ соборомъ, какъ они расправляются теперь съ „недозволенными“ свѣтскими собраніями. Какъ недозволенное противоправительственное собраніе былъ бы квалифицированъ и непослушный соборъ.

Но вѣрнѣе всего, соборъ этотъ дѣйствовалъ бы подъ указку, ибо оказался бы тенденціозно подобранъ по своему составу. Вѣдь выборамъ въ него не могло бы предшествовать ни свободное обсужденіе въ печати (цензура еще не упразднена), ни въ собраніяхъ (свободы слова и собраній мы не имѣемъ), т. е. отсутствовали бы основные условія, при которыхъ онъ только и могъ бы явиться свободнымъ, подлиннымъ голосомъ церковнаго собора. А вѣдь возможно, что для участія въ немъ потребовалось бы и свидѣтельство о политической благонадежности, выдаваемое жандармскимъ управленіемъ,

*) Сочиненіе Ю. О. Самарина, томъ шестой, стр. 557. (Статья „Объ отношеніи церкви къ свободѣ“).

и ужь, конечно, узники Суздальской тюрьмы, поплатившіеся свободой за протестъ противъ цезарепапизма, туда вовсе и не могли бы попасть, по... неблагонадежности. А знакомые съ исторіей вселенскихъ соборовъ знаютъ, какую роль играли тамъ бы мученики, во времена гоненій некалѣченные на пытки за вѣру, они составляли нравственное ядро первыхъ соборовъ.

Однимъ словомъ, дважды два остается четыре, а не стеариновая свѣчка и въ разсматриваемомъ случаѣ, и для церковнаго собора, и онъ не осуществимъ безъ свободы слова, собраний и печати, т. е. безъ общей политической свободы, которую обезпечить только коренная политическая реформа. Другими словами, это значить, что *церковный соборъ не можетъ быть правильно осуществленъ раньше учредительнаго собранія или, по оффиціальному наименованію, раньше земскаго собора*, который установитъ новый основной государственный законъ, начетъ опредѣляющій отношеніе церкви и государства, и обезпечивающій права человека и гражданина. Церковь тѣмъ самымъ уже будетъ освобождена отъ государственной опеки и получитъ полную возможность организоваться внутри себя, какъ она находитъ правильнымъ, и соборать для этого какія угодно соборы. До этого времени искреннимъ сторонникамъ церковнаго обновленія нужно не желать, а бояться собора.

Вѣдь, чистое дѣло требуетъ и чистыхъ рукъ. Неужели искренніе представители церкви предпочитаютъ принять церковную свободу, если бы она была дана, изъ грязныхъ окровавленныхъ рукъ бюрократіи (но, мы знаемъ, она и не можетъ дать того, что противорѣчить ея природѣ, она можетъ только обмануть живыми увѣреніями), нежели отъ самого освобожденнаго народа. Нужно-ли ставить такой вопросъ! Итакъ, нужно разъ навсегда покончить съ этой наивной, а вмѣстѣ и низкой, недоброкачественной мечтой—уладить церковный вопросъ посредствомъ хожденія по канцеляріямъ, съ задняго крыльца бюрократіи, тамъ можно только это дѣло опозорить и загрязнить. Нельзя выключить или какъ-то украсить незамѣтно для бюрократіи церковную свободу, пока весь народъ лишень свободы во всѣхъ сферахъ жизни. Это былъ бы подарокъ данайцевъ, бюрократическій фокусъ, за которымъ скрываются какія нибудь новыя ковы (потому-то частью интеллигенціи и были такъ недоувѣрчиво и тревожно встрѣчены слухи о „Черномъ соборѣ“). Итакъ, что же теперь? Вотъ вопросъ, который долженъ явиться у

всякаго честнаго и искреннаго сторонника церковной свободы и церковной реформы, кому дороги не почести и ордена, а живое дѣло Христово? Если выяснилось, что церковный вопросъ въ своей теперешней постановкѣ есть пока вопросъ политическій и неразрѣшимъ внѣ политическаго, то неизбеженъ выводъ, что все друзья свободы церковной должны прежде всего стремиться къ достиженію свободы политической, т. е. говоря дѣловымъ языкомъ, необходимо должны заниматься и общей политикой, принимать участіе въ общемъ освободительномъ движеніи. Затѣмъ возникаетъ рядъ недоразумѣній съ разныхъ сторонъ, и эти недоразумѣнія слѣдуетъ устранить.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшительно протестовать противъ нехристіанскаго воззрѣнія многихъ изъ нашихъ церковниковъ, по которому они имѣютъ право быть индифферентными къ вопросамъ общественности, въ частности и политики. Ни принципиально, ни фактически эта точка зрѣнія не можетъ быть отставяема и никогда не проводилась въ жизнь.

Да, кромѣ того, разъ уже поставленъ на очередь вопросъ о церковной реформѣ т. е. объ отношеніяхъ церкви и государства, то это есть вопросъ прежде всего политическій, слѣдовательно, пора окончательно замолчать о принципиальномъ исключеніи политики изъ задачъ церковныхъ людей. Но неужели общей свободы нужно добиваться только потому, что она расчищаетъ путь, является необходимымъ условіемъ церковной реформы?

Мы сочли бы возмутительнымъ и безнравственнымъ подобный утилитаризмъ, при которомъ политическая свобода и политическія реформы оцѣнивались бы исключительно съ точки зрѣнія ихъ значенія для положенія церкви.

Такимъ отношеніемъ характеризуется именно клерикализмъ, преслѣдующій не задачи христіанской политики, т. е. торжество любви, свободы и равенства, мира на землѣ и благоволенія между людьми, но интересы лишь данной церковной организаціи или клира, узурпаторски выдающаго себя за представительство церкви. Подобнаго рода клерикализмъ безбоженъ и преступенъ въ отношеніи всего общества, это есть заговоръ противъ общества и противъ исторіи въ интересахъ отдѣльной группы, вообще политика, руководимая не идеаломъ, а интересами. Эти интересы такимъ образомъ понимаемаго клерикализма случайно могутъ совпадать и съ освободительнымъ

движеніемъ, но чаще (какъ напр. и теперь во Франціи) они враждебно сталкиваются съ дѣломъ народной свободы; тотъ или другой политическій строй оцѣниваются при этомъ не съ точки зрѣнія его соответствія или несоответствія идеаламъ евангельской любви, но съ вполне утилитарной точки зрѣнія, его большей или меньшей выгоды для данной организаціи. Какъ разъяснено выше, при правильномъ, неклерикальномъ пониманіи задачъ христіанской политики, церковная или религіозная свобода есть въ правовомъ отношеніи лишь частный видъ общей свободы, слѣдовательно, враждебное столкновение истинныхъ интересовъ церкви и общегражданскаго государства не можетъ имѣть мѣста.

Въ русской церкви, благодаря историческимъ условіямъ ея существованія, не могло развиваться клерикализма активнаго, воинствующаго, которымъ характеризуется католическій міръ, ибо активный клерикализмъ есть все же политика, а всякое занятіе политикой у насъ всегда было запрещено. Въ русскомъ государствѣ путь активнаго клерикализма неизбѣжно оказался бы путемъ революціоннымъ, какимъ и оказался, до извѣстной степени, опытъ патріарха Никона. Синодальное устройство русской церкви явилось мѣрой предупрежденія противъ клерикализма активнаго, т. е. полицейской мѣрой предупрежденія и пресѣченія. Тѣмъ не менѣе невѣрно говорятъ тѣ, которые утверждаютъ, что у насъ вообще не было клерикализма и что русской церкви всегда былъ чуждъ ея духъ. Напротивъ, можно утверждать, что официальное представительство государственной церкви насъвозь пропитано духомъ клерикализма, только не активнаго, а пассивнаго, и духовное ея освобожденіе должно выразиться прежде всего въ уничтоженіи этого духа.

Мы указали, чѣмъ характеризуется духъ клерикализма, который можетъ исторически воплощаться въ самыя различныя, даже противоположныя формы. Духъ этотъ есть политическій утилитаризмъ, соединеніе общегражданскаго и политическаго индифферентизма съ стремленіемъ пользоваться государствомъ для частныхъ, земныхъ цѣлей клира и данной церковной организаціи. Это сознательный отказъ отъ христіанской политики, отъ стремленій къ осуществленію въ земныхъ отношеніяхъ евангельской правды ради нѣкоторыхъ вѣшнихъ успѣховъ церковной организаціи, это подчиненіе интересовъ вѣчной справедливости, не знающей различія между людьми, временнымъ и преходящимъ интересамъ отдѣльныхъ группъ, считаю-

щихъ себя избранными, это измѣна дѣлу Христову а, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлу народному.

При такомъ пониманіи духовной сущности клерикализма, кто же рѣшится утверждать, что въ русской церкви не было и нѣтъ клерикализма. Вѣрнѣе сказать наоборотъ, здѣсь мы наблюдаемъ подавляющее, омертвляющее господство клерикализма. Это-то и составляетъ духовный ея параличъ. Не связала-ли себя русская церковь якобы мистической и неразрывной связью съ существующей государственной формой и не утверждала-ли она въ теченіе вѣковъ самыхъ превратныхъ понятій на этотъ счетъ въ народѣ? Не включила-ли она этотъ преступный союзъ чуть не въ догматику, не приняли-ли изъ разложившейся Византіи того самаго яда, отъ котораго погибла эта послѣдняя вмѣстѣ съ бармами и чиномъ коронованія, который былъ впервые примѣненъ въ Россіи къ Ивану Грозному. Не полно-ли было это поразительное совпаденіе глубочайшаго символическаго значенія, предзнаменованій и мрачныхъ пророчествъ для всей русской исторіи и, въ частности, для исторіи русской церкви! И, начиная съ этого историческаго акта, коронованія Ивана Грознаго, до послѣдняго посланія синода, и слова еп. Антонія, дѣятельности духовенства среди „Черной сотни“, (если исключить рядъ мучениковъ отъ св. Филиппа до свящ. Цвѣткова, заключеннаго въ Суздальской крѣпости) какъ можно характеризовать духъ официальныхъ представителей государственной церкви, какъ клерикализмъ *)? Развѣ они не водрузили государственный гербъ надъ крестомъ, развѣ не предавали дѣло Христово, выступая въ защиту мамона противъ справедливыхъ требованій народа и стали на слово Божіе, утверждая, что въ немъ освящена существующая форма государства? Все это—клерикализмъ, клерикализмъ самый несомнѣнный, но вмѣстѣ съ тѣмъ до послѣдней степени нерасчетливый, просто какой-то глухой. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, что получали наши клерикалы, узурпировав-

*) Я подчеркиваю: *официальныхъ представителей*,—полагаю, что они никоимъ образомъ не являются и не могутъ явиться истинными представителями церкви, вообще лишенной въ это время правильнаго, каноническаго представительства. Можетъ быть, истинные представители какъ разъ сидѣли въ это время въ Соловецкой или Суздальской тюрьмѣ въ пожизненномъ заключеніи, оставаясь невѣдомы міру, гдѣ властвовали надменные монахи.

шіе голосъ церкви, за что служили государству цѣною своего достоинства, авторитета и силъ? Презрительное покровительство, мѣсто за заднимъ столомъ съ бѣдными родственниками, роль архаическаго орнамента, который извлекается на свѣтъ Божій, когда нужно вліять на простой народъ, сомнительное амплуа духовной полиціи, называемое на официальномъ языкѣ миссіонерской дѣятельностью. Впрочемъ много говорить обо всемъ этомъ какъ слѣдуетъ все равно нельзя да и нѣтъ нужды, ибо это и безъ словъ у всѣхъ наболѣло. Нужно омыть этотъ вѣками накопившійся позоръ, отогнать этотъ историческій кошмаръ государственнаго герба надъ крестомъ, разорвать этотъ преступный союзъ церкви съ бюрократіей.

Поэтому кличемъ освободительнаго движенія, если оно дѣйствительно зародилось въ нѣдрахъ русской церкви, должно быть: *долой клерикализмъ* въ той специфической формѣ, въ которой онъ проявлялся и проявляется въ русской исторіи. Но сказать „долой клерикализмъ“ это значитъ признать идеалы христіанской политики, отказаться отъ политическаго утилитаризма, замѣнивъ его политическимъ идеализмомъ. Слѣдовательно, критеріемъ при оцѣнкѣ той или другой политической мѣры или программы должно быть не то, въ какой степени соотвѣтствуетъ она интересамъ клерикализма, но въ какой степени она можетъ быть оправдана предъ лицомъ справедливости. Разрывъ съ клерикализмомъ именно и значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращеніе того союза между церковью и бюрократическимъ режимомъ, которымъ поддерживается шаткое зданіе бюрократіи, можетъ быть, въ большей степени, нежели ружьями и нагайками, жандармами и казаками. Бюрократія должна быть осуждена со всѣми дѣлами своими, и не порознь и втихомолку, но вслухъ всего народа сплоченной группой, представляющей собой внушительную церковную силу. Нужна же извѣстная логика и послѣдовательность. Вѣдь если группа столичнаго духовенства, представляющая собой, хотѣлось бы думать, только зародышъ будущаго движенія, болѣе могущественнаго, могла составить церковнополитическую декларацию, требованіе которой, какъ мы старались доказать, необходимо подразумеваетъ и политическую реформу, неужели же явилось бы противорѣчіемъ или ложнымъ шагомъ совершить и политическую декларацию, включить въ свое сердце заботу не только о церковныхъ дѣлахъ, узко понимаемыхъ, но и общероссійскихъ, общенародныхъ!

Безполезно здѣсь, впрочемъ, обсуждать конкретныя формы, кото-

рыя подскажетъ жизнь, но несомнѣнно, что историческая минута требуетъ отъ мыслящихъ представителей церкви болѣе активного вмѣшательства въ государственную жизнь и внесенія посильной лепты въ освободительное движеніе. Это начинаетъ уже сознаваться и среди самихъ представителей духовенства *). Минимумъ, составляющій прямо таки элементарную обязанность прогрессивнаго духовенства, это выступать съ настойчивыми и систематическими протестами противъ гнусной провокаціонной дѣятельности, которою пятнаютъ себя нѣкоторые недостойные представители чернаго и бѣлаго духовенства, и активно противодействовать этой дѣятельности. Этимъ будетъ, по крайней мѣрѣ, погашенъ тотъ минусъ, который вносится въ народную жизнь и народную душу (что еще важнѣе), постыдными дѣйствіями провокаторовъ. Но это будетъ только погашеніе минуса, т. е. нуль, а нуженъ хоть какой нибудь плюсъ. Понятно, что не легко духовенству выходить изъ своего историческаго и политическаго оцѣпененія и поработченія, но исторія торопитъ... Нечего и думать, конечно, о томъ чтобы значительная по количеству часть духовенства при теперешнемъ его состояніи могла перейти на сторону освободительнаго движенія, но пусть, по крайней мѣрѣ, произойдетъ отчетливая дифференціація, обозначится правая и лѣвая сторона.

Мы вовсе не приглашаемъ представителей прогрессивнаго духовенства превратиться въ профессиональныхъ политиковъ или политическихъ агитаторовъ. Прямая религіозная задача пастырства, надлежащимъ образомъ понимаемая (какъ, впрочемъ, мало онѣ понимаются теперь) въ нашихъ глазахъ настолько высоки и обширны, что навсегда останутся выше всякихъ житейскихъ задачъ, въ частно-

*) Такъ, напр. въ № 15 одесскаго жунала „Южныхъ Записокъ“ была помѣщена статья „Сельскаго священника“ подъ заглавіемъ „Открытое письмо русскому духовенству“, гдѣ авторъ обращается къ своимъ собратьямъ съ слѣдующимъ призывомъ: „Поспѣшимъ примкнуть къ прогрессивному движенію! Въ настоящій историческій моментъ духовенство снова можетъ сблизиться съ передовыми элементами, съ лучшей интеллигенціей, если вступить въ ряды бойцовъ за народные идеалы. Въ эти знаменательные дни оно можетъ и у народа приобрести довѣріе, утраченное подъ давленіемъ бюрократіи, если съ церковной кафедры открыто произнесетъ предъ всѣми труждающимися и обремененными правдивыя слова о настоящемъ и о близкомъ великомъ будущемъ“. Побольше бы такихъ голосовъ!

сти политических. Однако всё люди, какова бы ни была ихъ профессія и жизненные задачи, суть люди и граждане. И въ такое время, когда происходитъ ломка государственныхъ формъ, всякій, какъ бы ни были его задачи и интересы удалены отъ политики, по неволѣ въ большей или меньшей степени становится политикомъ (съ тѣмъ, конечно, чтобы впоследствии предоставить это дѣло лицамъ, чувствующимъ къ этому дѣлу специальное призваніе). Хотя мы вовсе не считаемъ при нормальныхъ политическихъ условіяхъ, напр., въ Западной Европѣ, политику (въ узкомъ смыслѣ слова) занятіемъ общеобязательнымъ или какимъ-либо особо возвышеннымъ, а склонны видѣть въ ней скорѣе специальность, какъ и многія другія, но въ настоящій моментъ въ Россіи, пока реформа еще не осуществлена, политическая пассивность является предосудительной, да, кромя того, и просто неосуществимой, ибо кто не за насъ, тотъ противъ насъ. Такъ ставится вопросъ самою жизнью. Совершенно невозможно позицію нейтралитета удержать и представителямъ церкви, которые, благодаря цезаропапизму, поставлены въ весьма опредѣленную позицію къ существующему строю и въ интересахъ поддержанія своего нравственнаго авторитета, а слѣдовательно, и успѣшности пастырской дѣятельности, должны съ неоставляющей сомнѣній опредѣленностью высказать свое политическое настроеніе и отношеніе къ бюрократизму. Этого повелительно требуетъ историческій моментъ.

Здѣсь мы должны сказать нѣсколько словъ pro domo sua, во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній. Приглашая лучшіе элементы представителей церкви къ политическому и общественному самоопредѣленію и болѣе или менѣе рѣшительному разрыву съ традиціями клерикализма, мы дѣлаемъ это не только по политическимъ соображеніямъ, руководствуясь желаніемъ завербовать въ ряды своей партіи еще не использованную общественную силу (хотя и это желаніе было бы вполне законнымъ и естественнымъ). Нами руководятъ и другія соображенія неутилитарнаго характера. Освободительное движеніе до сихъ поръ дѣлалось безъ „поповъ“ и отчасти даже вопреки имъ, и оно можетъ обойтись безъ нихъ и на будущее время. Но имѣютъ ли нравственное право они (т. е. лучшіе и сознательнѣйшіе изъ нихъ), не примкнуть къ движенію и тѣмъ самымъ хотя и немного, въ одной какой-нибудь точкѣ, не пробить тотъ историческій ледъ, который образовался между ними и интеллигенціей. Найти же дорогу къ сердцу интеллигенціи въ настоящій историческій

моментъ можно только черезъ политику, ибо въ политикѣ сейчасъ ея сердце и ея религія, но политическій союзъ можетъ послужить началомъ взаимнаго сближенія обоихъ элементовъ и имѣть шансы въ послѣдствіи превратиться и въ болѣе интимный и глубокій. Здѣсь мы вступаемъ въ область завѣтныхъ надеждъ и историческихъ предчувствій.

Въ новѣйшей исторіи не было еще такого знаменательнаго совпаденія, чтобы освобожденіе великаго народа отъ политическаго рабства являлось вмѣстѣ съ тѣмъ и его духовнымъ раскрѣпощеніемъ, началомъ религіозной реформаціи. Можетъ быть, уже этимъ совпаденіемъ указывается, что высшее значеніе русскаго освобожденія (помимо государственнаго, соціальнаго, экономическаго строительства) лежитъ въ области религіозной. Неложно слово пророковъ — Достоевскаго и Соловьева, что всемірно-историческое призваніе русскаго народа въ новыхъ религіозныхъ откровеніяхъ, которыхъ ждетъ современное человѣчество.

И когда думаешь о грядущемъ религіозномъ возрожденіи Россіи, то мысль невольно останавливается на самомъ оригинальномъ изъ всего, пока созданнаго нашей культурой, на духовномъ обликѣ русской интеллигенціи. Русская интеллигенція (и въ ней едва ли не на первомъ мѣстѣ русская женщина) есть наше величайшее національное сокровище, выкованное тяжелымъ молотомъ бюрократическаго абсолютизма на наковальнѣ безправія, это переводъ на русскій языкъ западной культуры, переводъ вольный и творческій. Ибо никогда на западѣ эта культура не соединялась съ такой ужасающей атмосферой безправія и не приходила въ такое противорѣчіе съ фактическими условіями жизни и не стояла въ такой оторванности отъ народныхъ массъ. Этимъ она сохранилась отъ буржуазности, которая отравляла западную культуру, и все больше превращалась въ скитальца, вѣчно ищущаго, стремящагося и страдающаго двойными муками — больной совѣсти и гражданской скорби. Атензмъ, — результатъ совокупнаго дѣйствія умственныхъ вѣяній запада и церковной казенщины на родинѣ, неразрывно соединился въ ней съ своеобразной религіей общественности, разныхъ толковъ, но одного и того же духовнаго содержанія. Какъ мѣтко замѣтилъ В. А. Тернавцевъ въ замѣчательномъ своемъ рефератѣ „Русская церковь предъ великой задачей“ (читанномъ въ первомъ засѣданіи религіозно-философскаго общества, см. протоколы его въ приложеніи къ журналу

„Новый Путь“, за 1903 годъ) „въ интеллигенціи, теперь невѣрующей, потенциально скрытъ особый типъ благочестія и служенія“. „Собраніе великой цѣнности и истины общечеловѣческихъ запросовъ въ ней неискоренно, — она передаетъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, ибо въ нихъ все ея оправданіе. Она отъ нихъ не отречется даже въ томъ случаѣ, если бы отъ нихъ отказалась сама Европа“ *).

Въ этой интеллигенціи—пока безсознательно живетъ неутолимая жажда абсолютнаго, этому служенію свойственна своя поэзія, свой романтизмъ, своя легенда. Интеллигенція имѣетъ своихъ мучениковъ и великомучениковъ, которые отдають за друга свою жизнь, не ожидая за гробомъ ничего, кромѣ уничтоженія, къ мученичеству готовы рядовые. Будущая исторія политическаго освобожденія покажетъ, какія гекатомбы приносились Ваалу, какая сила душевная была проявлена интеллигенціей въ освободительной борьбѣ. И самое поразительное въ этомъ духовномъ обликѣ то, что безсознательно религіозная интеллигенція въ свой катехизисъ въ качествѣ непреложнаго догмата включила атеизмъ. Въ душѣ интеллигенціи боролись и борются два начала, двѣ стихіи, она соединяетъ трагическое отрицаніе ограниченной и несовершенной жизни во имя абсолютнаго религіознаго идеала, „дарства не отъ міра сего“, съ обожествленіемъ стихій этого міра, ведущимъ, какъ по наклонной плоскости, къ духовной буржуазности и упадку. До сихъ поръ интеллигенція была ограждена отъ „князя міра сего“ щитомъ своего страданія и святыней своего служенія. Но наступаетъ время, когда щитъ этотъ не въ силахъ будетъ ея защитить, когда нужно будетъ сознательно поставить и рѣшить великую религіозную альтернативу: къ кому идти, къ Нему или къ Великому Инквизитору, сулящему буржуазное довольство взаменъ духовнаго первородства, кому отдать свое сердце: Христу или Антихристу?

Если, дѣйствительно, политическое освобожденіе не за горами, то нашей интеллигенціи придется скоро пережить религіозный кризисъ, духовный переломъ. Россіи предстоитъ не только церковная, но и свѣтская реформація, переоцѣнка цѣнностей въ церкви атеистической. Эта переоцѣнка сдѣлается неизбежна въ виду вышшняго факта, торжества политической свободы, признанія тѣхъ элементарныхъ правъ чловѣка и гражданина, требованіемъ которыхъ начинается теперь

*) Курсивъ автора.

рѣшительно всякая политическая резолюція: свобода и неприкосновенность личности, собраній, слова, печати, прекращеніе политическихъ преслѣдованій.

Не трудно предвидѣть, что, когда у насъ прекратится политическое мученичество и занятіе политикой перестанетъ быть героическимъ *par excellence*, а, въ качествѣ такового, утратитъ часть своего романтическаго обаянія, какое оно теперь имѣетъ у высшихъ, самоотверженныхъ натуръ, освободится масса духовной энергіи, потенциально религіозной. Сейчасъ, когда, благодаря политическому кризису, политическіе интересы, какъ никогда раньше, вытѣснили изъ общественнаго сознанія всякіе другіе, когда интересоваться чѣмъ-либо внѣ политики считается грѣховнымъ и недозволительнымъ, трудно представить себѣ всю значительность пережъны въ духовной атмосферѣ, имѣющей произойти, послѣ того, какъ Россія перешагнетъ этотъ историческій порогъ и станетъ политически свободной страной. О переоцѣнкѣ цѣнностей, имѣющей при этомъ совершиться, косвенно можно судить по примѣру Запада, гдѣ въ политикѣ давно уже нельзя имѣть религіи подобно тому, какъ въ Россіи, гдѣ она есть дѣловое, прозаическое занятіе, профессія, какъ и всякая другая, безопасная, почетная, видная, но во всякомъ случаѣ мало вдохновляющая, относящаяся не къ поэзіи, но къ прозѣ жизни. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло относительно социалистическихъ партій, особенно въ тѣ времена, когда они подвергались полицейскимъ преслѣдованіямъ. Идеаль „будущаго государства“, конечно, воодушевляетъ и придаетъ имъ оттѣнокъ религіознаго настроенія и теперь, но нельзя отрицать, что послѣднее все болѣе и болѣе утрачивается, и даже германская социалдемократія, по настроенію наиболѣе идеалистическая, все больше и больше принимаетъ духовный обликъ филистерства и обычнаго западноевропейскаго мѣщанства. Бернштейнизмъ есть симптоматическое явленіе угашенія духа, потери прежней непримиримости, духовнаго вырожденія, для борьбы съ которыми—и это самое знаменательное—у социалдемократіи нѣтъ духовнаго орудія. И наиболѣе замѣчательное въ этой эволюціи то, что въ политическомъ, реалистическомъ отношеніи бернштейнизмъ есть несомнѣнный прогрессъ, оно прозаичнѣе, но дѣловитѣе, широкіе идеалы слѣпили глаза, мѣшали трезвой оцѣнкѣ реальныхъ возможностей. Прогрессъ въ политикѣ сопровождается духовнымъ маразмомъ, филистерскимъ вырожденіемъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы

прогрессъ въ политикѣ всегда и неизбежно такимъ вырожденіемъ сопровождался, совсѣмъ напротивъ, мы считаемъ реальную политику совместимой съ весьма напряженнымъ идеализмомъ, но при томъ лишь условіи, что послѣдній питается своими собственными корнями, независящими отъ политики, чего какъ разъ не было въ социалдемократіи, представлявшей собой, подобно русской интеллигенціи, примѣръ религіознаго отношенія къ политикѣ. Въ томъ-то и дѣло, что религіозная (въ указанномъ, условномъ смыслѣ слова) политика не реалистична, а реалистичная политика сама по себѣ не имѣетъ религіозной цѣнности, безкрыла: влѣдствіе этого соединить то и другое совершенно невозможно, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается необходимо. Въ этомъ и состоитъ духовная трагедія и причина внутренняго разложенія социалдемократической партіи въ Германіи *). Аналогичный духовный кризисъ, только несравненно интенсивнѣе, переживаетъ и русская интеллигенція послѣ политическаго освобожденія. Это не сразу почувствуется, ближайшее время государственнаго строительства будетъ, вѣроятно, даже эпохой небывалаго разцвѣта именно политической жизни, которая получитъ небывалый діапазонъ. Но, въ концѣ концовъ, прежняя духовная почва будетъ утрачена. Имѣть религію въ политикѣ станетъ такъ же трудно, какъ и на Западѣ. Нѣкоторое время будутъ донашиваться обветшалые лохмотья марксизма съ его идеологіей классовой непримиримости, но, конечно, бернштейнианство, (понимаемое въ широкомъ смыслѣ социалполитическаго реализма) имѣющее въ области дѣловой политики, повторяемъ, неоспоримыя преимущества, скоро съѣстъ романтику марксизма сначала на Западѣ, а затѣмъ станетъ все болѣе вліятельнымъ и на русской почвѣ. Интеллигенціи (мы разумѣемъ здѣсь одинаково, какъ интеллигенцію культурныхъ классовъ, такъ и народную) придется тогда отчетливѣе сознать свою духовную природу, сознательнѣе самоопредѣлиться. Часть ея сможетъ удовлетвориться духовнымъ бернштейнианствомъ, каковы бы ни были его конкретныя формы, и опредѣлится окончательно, какъ нерелигіозная, буржуазнофилистерская. Другая часть — большая или малая все равно, но въ ней будетъ заключаться духовное зерно, квинтэссенція нашей интеллигенціи — не въ силахъ будетъ подавить своей религіозной тоски, своей метафизической жажды. Она будетъ по прежнему искать и метаться,

*) Ср. предисловіе къ сборнику „Отъ марксизма къ идеализму“.

не будучи въ состояніи забыть звуковъ небесъ за скучными пѣснями земли, которыя будутъ звучать громче и побѣдоноснѣе, чѣмъ когда-либо.

Тогда-то и пробьетъ часъ религіознаго возрожденія русской интеллигенціи. Двѣ линіи, считавшіяся до сихъ поръ параллельными и не встрѣчающимися, — церковь и интеллигенція — встрѣтятся въ одной точкѣ, двигаясь все время навстрѣчу другъ другу. Церковный союзъ, волей-неволей освободившись отъ двуглаваго орла надъ крестомъ и, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, отказавшись отъ прежней казенщины и застоя, сохраняя мистическіе свои дары, все болѣе будетъ научаться понимать значеніе созиданія царствія Божія на землѣ, о которомъ только и думала интеллигенція, зато утерявшая пониманіе значенія его созиданія въ индивидуальной человеческой душѣ. И интеллигенція принесетъ съ собой то, отъ чего она, оставаясь собой, не можетъ никогда отказаться, свое безпокойство, больную совѣсть, метущійся идеализмъ, дары общественнаго служенія, способность жить для царства не отъ міра сего, которая въ тоже время не только не убиваетъ интереса къ земной жизни, но удивительно соединяется съ постоянной заботой о земной правдѣ. И когда она осознаетъ свою природу, коснувшись родной почвы, почувствовавъ дремлющую въ душѣ ея мистическую стихію, она станетъ воистину великой духовной силой, силой религіозной. Она можетъ явиться органомъ новыхъ откровеній, носительницей новыхъ озареній, не раскрытыхъ еще въ христіанствѣ, и въ этомъ своемъ пророческомъ служеніи осуществить свое религіозное призваніе. Тогда можно будетъ говорить уже не о внѣшней только, но и о внутренней, духовной реформаціи, и въ этомъ мы полагаемъ послѣднюю имманентную цѣль и высшую цѣнность, создаваемую теперь перешнимъ освободительнымъ движеніемъ, въ этомъ абсолютный, религіозный, міровой смыслъ всего происходящаго теперь въ Россіи, что неразрывно связано и со всѣмъ ея прошлымъ, со всей ея загадочной, столь необычной и непонятной исторіей.

Происходящее теперь въ Россіи имѣетъ значеніе не только національнополитическаго событія, каковыми, кромя великой французской революціи, болѣе или менѣе являлись всѣ политическіе перевороты новаго времени, но всемірноисторическое, міровое, и это значеніе опредѣляется не общеполитическими послѣдствіями русскаго освобожденія, какъ бы они ни были грандіозны, и не культурно-

экономическими успѣхами, какъ бы ни велики и ни основательны были надежды на нихъ, но тѣми религіозными задачами, которыя въ настоящее время почти еще не ставятся, и даже слабо сознаются русскимъ обществомъ. Но часто ли сознавали современники дѣйствительное значеніе происходящаго передъ ихъ глазами.

Такова наша философія русской исторіи, таковы наши чаянія, и упованія. На эти темы мы не разъ еще будемъ говорить съ читателемъ.

С. Булгаковъ.